

Н. В. Шляхтина

Современная русская православная семья и монастырь в России

Православные монастыри в России всегда оказывали самое глубокое влияние на церковную жизнь русского народа. Не в дополнение или противовес повседневной календарной череде посещения приходского храма, а скорее в расширение и углубление церковной жизни. Именно жажда обретения полноты духовной жизни и звала русскую семью в монастырь для укоренения в церковном ее строе. Своей сугубой аскестикой и святынями монастыри звали к сугубому накоплению благодати, чтобы этим приращением верующие миряне обрести дополнительную силу Божьего благословения, необходимую для решения самых разных насущных жизненных дел. Монастырь также звал к себе *освятить* то добро, что накапливала русская семья, в противоположность разрушительному греховному началу, также стремившемуся сконцентрироваться возле семейного очага. Монастырь лечил душу и укреплял человека в вере и благочестии, просвещал простой народ особой церковной культурой религиозного понимания бытия, природного, хозяйственного и социального. Таким образом, монастырь, традиционно, имел для православных многообразное значение: освятельное, духововно-накопительное и духовно-просветительное¹.

В общецерковном обществе, каким оно большей частью было до 1917 г., место и значение монастыря для простого народа было однозначно высоким². Для крестьян объяснение этому было очевидным: в монастыре живут те, кто принес сам себя в жертву Богу, отдал Богу всё — и тело, и душу. Отказ монашества от семейной жизни,

от жизни в миру и рассматривался как фактор, заслуживающий глубокого уважения. Образ жизни монаха, особые молитвенные правила, жизнь в молитве, устремленность духа к Богу и заставляла простой народ считать монашескую жизнь не просто ограничением от каких-то мирских благ, но именно жертвенным приношением Богу своего самоотречения. И народное религиозное чувство не могло не сочувствовать столь радикальному разрыву с миром, такому, как и требует от человека Евангелие. Равноангельское житие монахов рассматривалось как икона, как образ или же — высокий образец для остального общества. Такой взгляд на монашество пришел из средневековой Руси, где получил в свое подтверждение в житиях целого сонма русских святых, большая часть которых была связана с монастырями, и которые были прославлены Церковью в чине преподобия.

В дореволюционной России, где народная связь с монастырем существовала в двух основных формах: паломничество в монастыри и трудничество в них, не стоял вопрос о нарочито семейном посещении обителей. Судя по имеющемуся материалу, такую форму допускали только представители дворянского сословия³. Конечно, в основном по той причине, что материальный достаток позволял им это делать. Остальные же сословия отправляли в паломничество тех, кто в данный момент сугубо нуждался в Божьей помощи, или тех, кто, по личному благочестию и вере, стремился побывать на богомолье, чтобы помолиться за себя и за свою семью. Крестьянская работа и крестьянское хозяйство не позволяли,

¹ Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 130–155.

² Поплавская Х. В. Паломничество, странноприимство и почитание святынь в Рязанском крае. XIX—XX вв. Рязань, 1998. С. 1–13.

³ Кириченко О. В. Дворянское благочестие. М., 2002. С. 318.

даже в нерабочий период, всем отрываться от дома, и это было важной причиной не семейных, а личных посещений монастырей. Точнее, шли в паломничество чаще всего не в одиночку, а по несколько человек односельчан, численно небольшим, но «миром». Не все категории населения попадали в число паломников, больше в них было женщин, меньше мужчин, больше людей среднего и пожилого возрастов, чем молодёжь и детей, которых в дальние паломничества почти не брали. Да и для ближних богомолий детям редко находилось место в группе сельских богомольцев. Известный педагог С. А. Рачинский сетовал в 1880-е годы сетовал, что дети мало принимают участие в богомольях на территории Смоленской губ.: «богомольцы дорожат временем и к тому же считают своим долгом потрудиться: они совершают переходы, детям непосильные, верст пятьдесят, шестьдесят в сутки, неся при этом с собой сухари на дорогу и узелок с чистою одеждой и сапогами. А детки всё мечтают об Угоднике (речь идет о преподобном Ниле Столобенском. — *Н.Ш.*), о чудесном острове на водах Селигера»⁴.

Тверской почин был подхвачен после публикации в «Русском вестнике» С.А. Рачинским очерка с подробным описанием детского паломничества, и постепенно детские паломничества стали приобретать популярность. В 1901 г. Св. Синод принял даже решение о праздновании в регионах дня святых просветителей славянских Кирилла и Мефодия не только богослужениями, но и крестными ходами, детскими паломничествами и краеведческими походами. В результате это движение приобрело всероссийский размах⁵. В лице детей еще одна категория представителей семьи, таким

образом, включилась в практику паломничества.

Монастыри, и особенно женские, в пореформенный период и сами шли навстречу богомольцам. В большинстве женских обителей были открыты школы для детей и приюты для девочек. В большинстве монастырей существовали гостиницы, где богомольцы получали не только кров, но и пищу.

Нельзя не упомянуть в связи с монастырями еще и такую категорию лиц, как уходящие в монастырь для пострижения в монашество. Как показывают исследования последних лет, уход

⁴ Рачинский С. А. Школьный поход в Нилу пустынь // Школа православного воспитания / Сост. А. Н. Стрижев. М., 1999. С. 121–122.

⁵ Кириченко О. В. Детское паломничество как духовно-культурный феномен // Вояджер: мир и человек. Самара, 2011. С. 125–126.

человека из мира в монастырь был не только личным выбором, но и делом семейным, общественным и даже государственным⁶. Роль семейного участия была важна во многих аспектах: воспитательном и даже в какой-то степени охранительном, поскольку дом и семья уже в XIX в. в условиях господства рационализма и атеизма в светском образе жизни стали выполнять роль «защитной крепости» от всех опасных веяний времени. Многие девушки, уходящие в монастыри, получали домашнее воспитание. Особенно, как это отмечает О. В. Кириченко, оно стало массовым в конце XIX в.⁷ Ценности семейного очага превозносят многие мемуаристы XIX в., для которых «домашний период» детства и отрочества являлся не только лучшим, но и сформировавшим всю их ценностную систему⁸.

В настоящем исследовании мы хотим проследить те тенденции, которые наблюдаются сегодня во взаимоотношениях воцерковленной семьи и монастыря. Насколько сохранилась прежняя, дореволюционная традиция видеть в монастыре жизненно необходимый элемент церковной жизни, и каковы сегодня инициативы мира (православной семьи) и монастыря, насколько тесны узы, связывающие их? Важно также, как нам кажется, раскрыть проблему «семья–монастырь» со стороны: как от лица «семьи», так и со стороны «монастыря». А поскольку семья сегодня как православная церковная единица только в приходе имеет то родное поле, где собраны близкие по духу другие православные семьи, то речь пойдет и о приходе.

Современная православная семья, конечно, во многом лишилась того традиционного социально-природного пространства, которое до революции в крестьянской среде было принято называть «миром». Окружающий сегодня православную семью мир в большинстве своем нерелигиозен (малоцерковен или вообще нецерковен), этнически и культурно неоднороден, идеологически (на уровне светской стратегии норм поведения) дистанцирован от Церкви и, по сути, уже не является «миром» в прежнем, традиционном его понимании. Скорее это «мир» в богословском его понимании — социум, освобожденный от христианских норм, то, что святитель

Феофан Затворник Вышинский называл «духом века сего».

Этот факт оторванности современной русской православной семьи от мира в его прежнем смысле уже говорит об ограниченности возможностей для современной воцерковленной семьи воспринимать монастырь в его прежней полноте.

Наши опросы московских молодых семей, живущих церковной жизнью, показывают, что монастырь для всех прихожан по-прежнему имеет безусловный авторитет. Для церковных людей монастырь — это нечто более высокое и совершенное по сравнению с приходским храмом. Между монастырем и церковным приходом существует не просто тесная связь, но и определенная взаимная зависимость. В трех московских приходах, где мы собирали полевой материал, имеются примеры ухода прихожан в монастыри. Есть и такая группа прихожан, которые стали со временем дьяконами и священниками, что тоже указывает на духовно-воспитательное значение прихода в деле подготовки церковных кадров.

Уход прихожанина в монастырь создает целый спектр дополнительных связей между приходом (в том числе и семьей) и монастырем. Уход в монастырь рассматривается как достижение всего прихода, как определенный итог церковной жизни прихожан. Лица, связанные с монашеством, становятся предметом размышлений. Семья ушедшего (или ушедшей) привлекает внимание (не открытое, а скорее подспудное) как пример достойного воспитания. В то же время для многих очевидно, что выбор монастырского пути — это дело индивидуальное, иногда малопонятное. Так, в трех известных нам случаях будущие монастырские насельницы и насельники воспитывались в невоцерковленных семьях. Для каждого ушедшего в монастырь и приход к вере (в атеистической семейной среде) и решение уйти в монастырь, были своего рода чудесными событиями. Монахиня Иоанна (очаковский приход) так рассказывает об этих главных событиях своей жизни: *«Первый мой религиозный опыт появился у меня неожиданно. В руки мне попался журнал „Мурзилка“, а в нем была маленькая заметка „Детям о Боге“. Помню, я сидела одна в комнате за своим*

⁶ Андрианов А. Ю. Причины и обстоятельства ухода в мужские православные монастыри. Владимир, 2011. С. 7–19; Кириченко О. В. Женское православное подвижничество в России. XIX — середина XX в. Изд. Свято-Алексиевской пустыни. 2010. С. 98–117.

⁷ Кириченко О. В. Женское подвижничество...

⁸ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955; Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. Записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989.

письменным столом. Меня так поразило то, что там было написано, что Господь везде пребывает, что Он все видит и слышит, все знает, Он — сердцеведец. Статья была написана простым языком, чтобы дети просто и ясно поняли, что есть Бог. И тогда, в ту минуту, я ясно себе представила, что Бог рядом, в моей комнате, что он меня сейчас видит и слышит. Меня это так поразило! Это и было моим первым движением к храму. У меня даже сомнений никаких не было, куда идти. А протестантов вокруг было в ту пору немало, причем самых разных мастей, у нас даже в школе раздавали они свои сектантские брошюры. Но им все же надо сказать спасибо за то, что, благодаря им, в мои руки попало в первый раз Евангелие. Такое в простенькой синенькой обложке, на газетной бумаге, с бледным шрифтом. Я стала читать Евангелие. Мои родители уехали в отпуск, а я все свободное время проводила за чтением Евангелия. После возвращения родителей из отпуска у меня не было вопросов, чем заняться: только пойти в храм. Я приехала в ближайший от дома тропаревский храм Михаила Архангела, который открылся тогда не так давно. Решение о принятии монашества у меня не было спон-

танным, оно зрело долго. Господь говорит в Евангелии: „Не вы меня избрали, но я вас избрал“, т. е. первое решение Господь влагает в сердце человека, а как онотреагирует на этот призыв Божий, его дело. Для меня с самого начала было так, как будто это было мое призвание. Я отцу Димитрию об этом сказала: „Вот, батюшка, у меня есть такая мысль, такое желание быть в монастыре“. Он ответил: „Поживем, увидим“. Мне и лет тогда было мало, всего 14, и школу еще не закончила. Батюшка начал давать мне для чтения книги, потом через какое-то время говорит: „Ну, съезди в монастырь, поживи, посмотри“. Первый монастырь, куда я собралась, был Черноостровский в Калужской епархии. Там подвизалась одна знакомая о. Димитрию и мне матушка-монахиня. Впечатления у меня были незабываемые, сразу же загорелась: „Хочу в монастырь“. Но теперь мне кажется, это были слишком детские чувства. Это был 1992 год, мне было 14 лет. Мое стремление к монашеству и приход к Церкви и вере происходили в один промежуток времени. В 9 классе я закончила гимназию и уехала на каникулы, думая, что 10 и 11 класс буду доучиваться уже в монастыре. Так и случилось»⁹.

⁹ Двадцать лет очаковскому приходу: интервью с монахиней Иоанной // Очаковская церковно-приходская газета. №48. 2012. С. 8–10.

Стоит здесь отметить, что семья девушки была против ее решения оставить мир и уйти в монастырь. Сама говорит об этом она так: *Когда я сказала о своем желании уйти в монастырь своей маме, реакции была очень резкой: „Не подходи ко мне больше с этой просьбой. Только через мой труп“. Со мной не разговаривали две недели. В прямом смысле этого слова, как будто меня просто не существовало дома. С папой было проще, он принимал сторону мамы, поэтому все зависело от нее. И вот в конце второй недели я еще раз пыталась завести с мамой разговор: „Ну, неужели ты будешь счастлива, если я останусь здесь дома и буду всю жизнь несчастлива?“ Видимо, эти слова произвели на нее какое-то впечатление, она подумала над ними. И вот как-то просыпаюсь, поднимаю голову от подушки, а мама приносит мне в комнату постиранное и выглаженное чистое белье и в знак примирения кладет на кресло и спрашивает меня: „Ну, какое у тебя будет последнее решение?“ „Я хочу в монастырь“. И мама согласилась».*

Похожая ситуация была и с другой прихожанкой того же московского прихода. Будущая насельница также выросла в атеистической семье и совершенно неожиданно для своих близких начала ходить в храм, а потом ушла в монастырь. Уход в монастырь для этой прихожанки был неожиданностью. После посещения известного старца прот. Николая Гурьянова, жившего на о. Залита (Псковская обл.), она, по благословению этого духовного подвижника, попадает в Горненский женский монастырь в Иерусалиме и остается там сначала послушницей, а потом и монахиней. По примеру этих двух лиц из прихода позже ушла в монастырь еще одна девушка, работавшая до того педагогом в средней школе. Нам известно, что она выросла также в атеистической семье.

Спрашивая прихожан этого прихода о том, насколько храм важен детям для их религиозного воспитания, мы слышали разные ответы: от рассуждений, что «сам воздух, сама атмосфера храма воспитывает детей», до категоричных высказываний, что «храм не воспитает, если родители не будут прилагать больших усилий для воспитания в детях страха Божия, внимания к святыни, строгости поведения в храме». И в общем-то убедительнее звучали слова последних, потому что они приводили вполне конкрет-

ные примеры, когда строгое отношение родителей к своему ребенку действительно приносило зримые плоды. Прихожанка М. Н. Шаталова так говорит об этом: *«Детей в храме нужно приучать к порядку, к культуре благоговейного отношения к святыне. Даже просто смотреть за ними, учить не играть горящими свечами, беречь церковное имущество. А то, к примеру, стоит мальчик у кануна и жжет свечей металлическую деталь кануна, а папа будто и не видит этого, ведь ему важно, что ребенок в храме и не мешает ему молиться. Папа, в ответ на мое замечание, разрешает мне самой наказать мальчика „ударить его по рукам“, но я ему возражаю: „Если я буду в храме воспитывать ваших детей, то что они вынесут отсюда. Учите их дома, как вести себя в храме“. Многие дети просто не понимают, зачем они пришли в храм, поэтому и начинают играть. Я помню, как покойная ныне Наташа Куренкова приходила со своей дочкой в храм: вместе стояли за богослужением, вместе уходили домой. И никто не видел девочку празднующейся по храму или по двору храма. Дочь Наташи уже несколько лет подвизается в Пюхтицком монастыре. Важно, чтобы детям была привита любовь к храму. Наташа как-то сумела оградить Олечку от остальных детей, которые тут с ума сходили, и привить ей самое важное. Не по этой ли причине немало церковных детей после возрастания, перестают вообще ходить в храм? Самое главное — подготовить ребенка к храму. Даже воскресная школа не даст этого понимания, только в семье дети могут обрести эту искру любви к храму. А вместе с ней и страх Божий, трепетное отношение к церковной святыне, к церковному слову, к церковному времени»¹⁰.*

Но чтобы выбрать монастырский путь одного семейного домашнего воспитания, конечно, недостаточно, нужна еще общая — приходская — атмосфера горения в вере, что большей частью происходит в начальный этап восстановления храма. И здесь даже мы имеем примеры, когда семья не давала никакого религиозного воспитания, потому что была неверующей, а девушки из этих семей, воодушевленные общим религиозным подъемом, выбирали себе монастырский путь. Монахини, вышедшие из очаковского прихода, о которых идет речь, были в числе первых

¹⁰ Двадцать лет очаковскому церковному приходу: интервью с М. Н. Шаталовой // Очаковская церковно-приходская газета. № 50. 2013. С. 14–15.

прихожанок, трудившихся с начала 1990-х годов при храме святителя Димитрия Ростовского в Очаково и ушедших в монастырь на пике восстановительной активности храма. Речь идет не о пике хозяйственной, а приходской восстановительной активности. Судя по воспоминаниям тех, кто трудился над восстановлением храма в эти годы, все прихожане были объединены чувством духовного воодушевления, духовного подъема, и эта окрыленность давала силы и трудиться, и становиться одной большой семьей, стремиться к духовным подвигам. Для многих очаковских прихожан — свидетелей тех событий — тогда закладывались базисные основы прихода: приход стал одним целым организмом, объединенным вокруг священника и храма; у кого-то это вылилось в создание семьи, кто-то сделал выбор в пользу монастыря. Приход стал словно стартовой площадкой, на которой каждый получил шанс четко и определенно решить главный для себя вопрос — о месте для духовного спасения. И семейная жизнь, и монастырская в этом выборе выглядели как равноценный (в глазах Церкви) выбор. И в этом смысле и семьи, которые здесь образовывались (за десятилетие с начала открытия храма), обретали в монастыре не просто союзника, а некую вторую, важную для себя половину, с которой устанавливается отныне неразрывная связь.

Вот что говорят представители таких семей об этом.

«Монастыри и монашествующие должны быть идеалом для всех остальных. Они — свет, который светит нам и показывает путь. У мирян, даже верующих, существует предубеждение, что этот идеал существует для самих монахов, у мирян же свои идеалы. Но мне кажется, что такое отношение к монашеству ошибочно. Мы все тесно связаны друг с другом и все учимся друг у друга. Монастырь хотя и является другим миром, отличным от приходского, но все же все мы — общий мир Церкви. Когда мы слышим слова: „Спаситись можно только в монастыре“, то понимаем, что извратить можно любую мысль, любое благое дело, но в то же время не знаю смог бы существовать современный приходской мир без монастыря. С монастырем должен быть постоянный контакт, как это было раньше на Руси. В первые века христианства, когда

монастырей еще не было, таким образом для всех были святые мученики за веру. Так что идеал в Христианстве существовал всегда, без идеала нельзя. У нас в приходе существует тесная связь с монастырем, поскольку некоторые наши прихожане со временем избрали монашеский путь. Мы поддерживаем с ними тесную связь, общаемся, учимся хорошему и полезному. Поездки в монастырь крайне полезны для детей. Мы с мужем всегда стараемся брать детей в такие поездки, чтобы у них сложилось нормальное восприятие монашествующих людей. Хотелось бы, чтобы дети воспринимали монашествующих как таких же людей, как и мы, но которые имели большую решимость, чем имеем мы»¹¹. Ее супруг так отметил значение монастырей: «Посещаю монастыри с целью корыстной молитвы. Еду, чтобы помолились за меня Божьи угодники, или Мать Божья и Господь милость Свою явит, грехи простит, последствия грехов искоренит, страсти бесконечные, может, исцелит. Монастыри не выбираю, а еду с теми, кто предлагает. Несколько раз планировал поехать один, но не получалось. Бывает, что ездим с семьей, садимся на машину или поезд и едем: в Петербург каждый год, во Владимир, в Дивеево, в Спасо-Яковлевский монастырь частенько ездим»¹².

«При возможности я стараюсь посещать монастыри. Мне нравится ездить в монастыри, жить в монастыре, бывать в паломнических поездках. Хотя паломничество — это всегда „галопом по Европам“. Но когда ты едешь „пожить“, это означает уже не посмотреть на монастырь любопытными глазами, а побыть здесь душой»¹³.

«Сейчас гораздо меньше возможностей бывать в монастырях, а посещения эти очень нужны, для поддержания в себе огонечка такого. Стараюсь, попадая в ту или иную обитель, больше накопить и для себя и для других. Монастырь — это не только святыни, но люди, монахи, общение с ними, их уклад. Есть выражение „свет мирянам монахи, а свет монахам — ангелы“. Есть насущная необходимость в посещении монастырей. Но цели у всех разные: одних интересует духовная жизнь монастыря, молитва, других — архитектурные особенности памят-

¹¹ А. М. мать троих детей / Полевые материалы Н. В. Шляхтиной. Москва. 2011 г.

¹² В. М. отец троих детей / Полевые материалы Н. В. Шляхтиной. Москва. 2011 г.

¹³ Н. Ж., отец девяти детей / Полевые материалы Н. В. Шляхтиной. Москва. 2011 г.

ника культуры, поэтому и черпает каждый в монастыре свое. Сейчас выбирать не приходится, в какой монастырь ехать, коллективные паломнические поездки — это единственная возможность попасть в монастырь»¹⁴. «Я заметил, что монастырь может служить иконой для мирян. Не будь монастыря, у нас не на кого было бы равняться»¹⁵.

Итак, там, где в приходах есть свои монастырские воспитанники, там у семей 1) имеется четко выраженный монастырский идеал жизни (монастырь — икона для прихожан); 2) есть постоянная духовная потребность посещать монастыри чтобы помолиться, решить важнейшие жизненные проблемы; 3) личная связь с монастырем через насельников или насельниц, которые до того были прихожанами, также способствует созданию особой теплой атмосферы отношения к монастырю.

Прихожанам в таком приходе легче устанавливать и деловые связи с разными обителями, с целью оказания социальной или хозяйственной помощи им. Так одна из прихожанок 45 лет (в семье муж и один взрослый сын) периодически посещает Малоярославецкий женский монастырь для оказания помощи сестрам оби-

тели, которые занимаются воспитанием сирот, живущих в интернате при монастыре. Другой прихожанин очаковского храма, руководящий военно-спортивным клубом при храме, периодически вывозит своих воспитанников в Спасо-Бородинский женский монастырь. «В этот монастырь, связанный с памятью Бородинской битвы, с 2006 г. наш клуб “Росток” регулярно ездит, участвует в проведении дней памяти, посвященных Бородинским событиям. И, конечно, в эти дни нам приходится тесным образом общаться с обителью. Наши воспитанники трудятся там, и вообще у нас сложились очень доверительные отношения с игуменьей и сестрами. Отношение к монастырю удивленно-восторженное. Сейчас там новая игуменья. Последние два года я не был у них на хоздворе и когда пришел недавно, то был поражен: большие новые помещения: скотный двор, курятники и т. п. И все такое основательное, красивое. Какие молодцы! И служба у них идет постоянно, молитва не затихает. Именно через Спасо-Бородинский монастырь у меня и появилось особое глубокое отношение к монастырю в целом»¹⁶.

¹⁴ Священник А. отец шестерых детей / Полевые материалы Н. В. Шляхтиной. Москва. 2011 г.

¹⁵ Н. отец двоих детей / Полевые материалы Н. В. Шляхтиной. Москва. 2011 г.

¹⁶ Д. П. отец троих детей / Полевые материалы Н. В. Шляхтиной. Москва. 2011 г.

В приходах, подобных очаковскому, можно увидеть весь спектр традиционного отношения к монастырю: здесь и указанная выше помощь трудом (трудники на определенный срок), и периодическое посещение крупных духовных центров с аскетическими целями (молитва, говение, исповедь, причастие, прошение перед святынями), и посещение обителей с целью общения с духовным отцом, как правило, монастырским старцем. В очаковском храме нам известна одна неполная семья (мать и сын), которая раз в год обязательно посещает Псково-Печерский монастырь именно с духовническими целями. Как правило, эти выезды приходятся на время отпуска молодой женщины. Она снимает комнату рядом с монастырем, каждый день они с сыном посещают службу, трудятся на огородах, если поездка приходится на летний период. Наша собеседница рассказывает, что для нее самой посещение монастыря важно с духовно-аскетической стороны, поскольку здесь находится ее старец-духовник, а для сына эти поездки имеют духовно-воспитательное значение. Они укрепляют в нем веру, дают правильное понимание церковной жизни, приучают мальчика к пониманию важности духовника для христианина.

Но большая часть семейных людей из этого прихода, с которыми нам пришлось беседовать по поводу выяснения их отношения к монастырям, делилась на две большие группы: люди среднего и пожилого возраста и молодые семьи (супруги до 35 лет). У первых нередко храм посещает не вся семья, а только они. Для этой категории поездки в монастыри были важны самим фактом своего существования. Например, мужчина 67 лет, у которого дома больная жена, так отзывается о монастырях: *«Монастырская жизнь — она особенная, чтобы ее узнать надо хотя бы какое-то время пожить в монастыре. Но самому мне жить там не приходилось, посещал лишь с экскурсиями. Тетка жены моего сына ушла в монастырь, и теперь она монахиня, уже лет 20 как. Монастырь этот находится в Москве, Новодевичий, поэтому добраться туда легко. Люди, которые находятся в монастыре, конечно, ближе к Богу, чем мы здесь»*¹⁷. Женщина 55 лет, работающая при храме, у которой ни муж, ни дети в церковь не ходят, считает монастырь местом просвещения души: *«В начале моей церковной жизни монастыри имели*

*огромное значение для меня, давали второе дыхание. Нельзя сказать, что сейчас у меня изменилось к ним отношение, но нет времени ездить, семья не позволяет. В раннюю пору приходилось часто ездить по монастырям: это были и коллективные паломнические поездки, и самостоятельные. Последних было больше. Оптина, Серпухов, Троице-Сергиева лавра, Ростов Великий. Расскажу об одном интересном явлении. Однажды была паломническая поездка в Ростов к святителю Димитрию Ростовскому. Организовывала ее Вера Зиновьевна, Царство ей Небесное. Я впервые тогда посетила Ростов и монастырь. И перед ракой святителя, да и в целом в обители меня не покидало чувство, что я здесь была ранее. Вера Зиновьевна вдруг говорит мне: „Такое ощущение, что мы находимся у себя в храме святителя Димитрия в Москве“». „Да, — говорю, я ей, — и у меня такие же чувства“. Оказывается, покров святителя Димитрия дал нам почувствовать единение этих двух далеких друг от друга мест»*¹⁸. Таким образом, монастырь позволил увидеть и почувствовать, что Церковь это один большой цельный организм, связывающий верующих в единое целое. Этот личный опыт веры очень важен для данной группы людей. Об этом же нам сказал один из священников очаковского храма: *«По-моему, посещение монастырей особенно положительно сказывается на новоначальных прихожанах, когда они активно воцерковляются. Я недавно ездил с одной такой группой, и от одной женщины услышал такую фразу, подчеркивающую меру ее потрясения: „Я как будто в XVII веке побывала“. Я стараюсь, чтобы подобные поездки были именно для новоначальных. У них появляется какой-то дополнительный стимул к духовной жизни, появляется большая широта взгляда, словом, эти поездки оказываются для них полезными в особенной степени»*¹⁹. К этой же группе (по возрасту и по представительству) можно отнести и тех, кто посещал и посещает монастыри с целью потрудиться и почувствовать «другую жизнь». Женщина 60 лет, вдова, имеющая детей, которые уже живут самостоятельно, так говорит об этом: *«Монастыри имеют большое значение в моей жизни. В Макарьеве — небольшом городке Костромской области*

¹⁷ Деяшкин В. М. 67 лет. Полевые материалы Н. В. Шляхтиной. Москва, 2011 г.

¹⁸ Колесникова Н. В. 57 лет. Полевые материалы Н. В. Шляхтиной. Москва, 2011 г.

¹⁹ Свящ. Андрей С. / Полевые материалы Н. В. Шляхтиной. Москва, 2011 г.

(всего 8 тысяч жителей) — я была в женском монастыре. Сюда преподобный Макарий Желтоводский пришел после разгрома монголами их обители на Волге. Подвижника не тронули, из-за благообразного вида, Господь хранил его. Ордынцы велели ему уходить. Но он сказал, что не уйдет, пока не похоронит всю братию, посеченную татарами. И вот он ушел в Костромские леса, основал там еще две обители. Монастырь, куда я приехала, возглавляла матушка Людмила, которая и руководила восстановлением обители. Потом ее перебросили на восстановление еще одной порушенной обители. Но тот монастырь восстанавливался с большим трудом. Люди перестали с такой отдачей идти помогать, другая обстановка влияла на поведение и очень мало было желающих помочь. Монастырская молитва — это особое явление. Она нетороплива, осознана. У монахинь житейская сторона все время на втором плане, и это заметно. Такое же чувство в Александро-Свирском монастыре, где мы жили три дня. Потрудишься в мона-

стыре и чувствуешь, что с покровителем обители устанавливаются совершенно другие отношения. Святой словно приглубит тебя. В Макарьевском монастыре матушка-игуменья вдруг неожиданно для меня открыла раку с мощами преподобного и дала мне приложиться прямо к мощам. В благоухании, которое прямо лилось от мощей, и я чувствовала эту милость святого. Монастыри очень нужны нам для веры. Паломнические поездки по своему хороши, но они расслабляют, нет возможности сродниться хоть на какую-то долю с этой обителью. А такой возможностью является всегда какая-то жертва, помощь храму. Сейчас время тоже как жертва, остался на более длинный срок, чем-то помог, усерднее помолился и приобрел гораздо больше, чем дал обители. Меньше узнаешь исторических фактов, но больше приблизишься к духу обители, к ее кладезям»²⁰. Другая прихожанка того же возраста, также не поддерживаемая родственниками, главный свой духовный опыт воцерковления получила, как она считает в монастырях. Профессиональный педагог

²⁰ Шинакова А. В., 58 лет / Полевые материалы Н. В. Шляхтиной. Москва. 2011 г.

Н. С. Касаткина подчеркивает первенствующее значение монастыря в церковной жизни православного христианина: *«Я считаю, что монастыри — самое главное, что может быть в жизни. Без монастырей ничего бы не стояло на Руси, никаких приходских храмов, ничего. Мы, миряне, и вся приходская жизнь существуем благодаря монастырям. Я недавно была в Иоанно-Богословском монастыре, на Рязанищине, (у меня и у самой корни рязанские). Там живет, мне кажется, только любовь, и хозяином в обители является сам Иоанн Богослов. Два раза я там была, пожила несколько дней и при первой же возможности поеду опять. Я бы там даже осталась, но это мужской монастырь. Я даже не удержалась, подошла перед отъездом к настоятелю и сказала: „Батюшка, в вашей обители живет любовь. А вот в нашем приходе ее не хватает. При всех таких положительных моментах, любви не хватает“»²¹. В суждении другой прихожанки, женщины 65 лет, так же подчеркивается «учительское» значение монастыря: *«Ездил в Коренную пустынь. Была не раз в паломнических поездках в разных монастырях. Но мечтаю побывать отдельно и пожить в монастыре, потрудиться, помолиться. Причем у меня есть желание отправиться в Горненский монастырь в Иерусалим. Мне очень хочется научиться молиться. По-настоящему. Хочется научиться жить духовно. Не знаю, сбудется ли эта мечта. Хочется почувствовать, как живут монахи»²². Монастырь нередко оценивается как мерило духовной жизни, даже в том случае, если человек и не получил там подлинного личного опыта монастырской жизни. И все же большинство опрошенных исходят из того, что именно монастырь может дать человеку самое важное — укрепить его веру: *«Когда наш храм только открылся, мы чаще ездили в паломнические поездки. Тогда мы побывали во многих местах: были в Дивеево несколько раз, посещали Ростов Великий, много раз ездили в Лавру. Но самостоятельно не приходилось бывать в монастырях. Тем не менее хотелось бы пожить в монастыре, чтобы понять, что ты приобрела, что ты можешь в духовной жизни»²³.***

Группа молодых видит в монастыре средство духовной поддержки не только для себя, но и

для всей своей семьи. Это самое важное в их мотивации посещения монастырей. Они люди едут в монастыри, имеющие не просто имя, но особую духовность, святыни, старцев, могущие дать благодать. Нам известно, что молодые семьи объединяются и вместе посещают такие монастыри, но стараются делать это незаметно для других прихожан. Мужчины этих семей периодически посещают, что вообще эта категория лиц очень близка к той, которую мы относим к посетителям монастырей ради духовнических целей. И хотя здесь не идет речи о духовничестве, но сугубая молитва о семье перед великими христианскими святынями чем-то сближает эти две группы.

В другом московском приходе, где восстановление храма также сопровождалось образованием приходской общины, мы наблюдали похожие на описанные выше процессы. Общее воодушевление первых лет восстановления на фоне личного воцерковления и неизбежного выбора пути для молодого поколения — семейной жизни или монашеской — порождало на данном этапе осознание монастыря в его подлинно церковном значении. Иными словами, именно уход некоторых прихожан в монастырь давал о монастыре подлинное знание значимости монастыря для мирян. Это позволяло позже естественным образом выстроить на приходе сложную систему взаимоотношения прихожан с монастырями, где каждый мог найти себе приемлемую форму для постоянного контакта с той или иной обителью. Для одних это было духовничество, для других — социальная помощь, для третьих — потребность в периодических паломнических поездках в разные монастыри, для четвертых — желание личным трудом, находясь в монастыре по неделе и более, принести ему пользу.

Те же процессы мы наблюдали и в немосковских приходских храмах, восстановление которых сопровождалось в начале 1990-х годов образованием тесной сплоченной общины. Нередко само восстановление было инициировано импульсами из монастырей, от тех духовников, к которым будущие прихожане ездили еще до восстановления их храма. В этом случае костяк общины нового храма был ориентирован на вполне определенную связь с монастырем. Главным для них было монастырское духовничество. Об этом нам говорил, например, настоятель Успенского храма в Воронеже о. Василий Попов: *«У многих прихо-*

²¹ Касаткина Н. С., педагог / Полевые материалы Н. В. Шляхтиной. Москва. 2011 г.

²² Шинакова А. В. / Полевые материалы Н. В. Шляхтиной. Москва. 2011 г.

²³ Новикова Г. Н. / Полевые материалы Н. В. Шляхтиной. Москва, 2011 г.

жан нашего храма духовники находятся в монастырях»²⁴. Такое духовное окормление в селах могло охватывать верующих не только одной общины, одного прихода, но территориально — группу близ лежащих селений. Собирая полевой материал в с. Ферюлевка Рязанской обл. (1995 г.), О. В. Кириченко удалось выяснить, что вся округа ездит к старцу о. Науму в Троице-Сергиев монастырь и под его руководством постепенно осуществляется восстановление разрушенных в советское время храмов²⁵.

Опросы прихожан сельских приходов или небольших провинциальных городов, посещающих монастыри как с духовническими целями, так и с целями «накопления Божьей благодати» от поклонения святыням, показывают, что всех этих людей объединяет некое общее чувство и понимание святости. «Побудешь в монастыре — как на свет вновь родился», — говорит Зинаида Алексеевна (1942 г. р.) жительница пос. Таловое Воронежской обл., которая ездила помолиться за семью и за взрослых уже детей, чтобы те в храм ходили. Посещала Задонские монастыри, Лавру Троице-Сергиеву. Жили там по неделе, снимали комнату на 5 человек. Трудились в Задонском женском монастыре на огороде, мыли посуду. Были однодневные поездки в Дивногорье, Костомарово (это все Воронежская обл.): «охота съездить к прозорливым, но ни разу не была»²⁶. Тут важно отметить, что те, кто посещают монастыри с духовническими целями, как правило, находятся на виду у прихода, во всяком случае, у некоторой части прихожан, в том числе семейных, которые обращаются к ним за советами, чтобы решить отдельные духовные вопросы. Так, со слов В. Н. Спельник, частой посетительницы монастырей, имеющей духовника-старца) из г. Борисоглебска Воронежской обл. «сейчас большая потребность в духовниках, и ко мне в храм подходит много людей, чтобы спросить о своих проблемах»²⁷. Ту же информацию мы получили от жительницы Старого Оскола Агнии Гавриловны (70 лет), многие годы помогавшей восстанавливающимся монастырям в разных уголках России. У них в частном доме большая семья: семья дочери и семья сына. Для своих детей Агния Гавриловна — большой авторитет, и ее «монастырский опыт» является своего рода залогом

покоя и благоденствия в доме. Агния Гавриловна познакомила нас духовно близким себе человеком, инвалидом с юных лет, которая воспитывалась тетей, монахиней Харьковского женского монастыря. Очевидно, опыт восприняла от подруги и Агния Андреевна. Двоюродные сестры Агнии Гавриловны Валентина Дмитриевна и Тамара Дмитриевна также тесно связаны с монастырями, много общались со старцами-духовниками блаженным Алексеем Федоровичем, архимандритом Серафимом Тяпочкиным и архимандритом Ипполитом. Одна из сестер семейная, другая инвалид с детства. Сестры рассказывали, что все эти старцы знали друг о друге и посылают друг к другу людей, которые к ним обращались.

Во многом благодаря таким людям (большей частью женщинам), тесно связанным с монастырями и духовниками-старцами, в начале 1990-х началось «дружное», по всей стране, обращение к властям с просьбами об открытии храмов и монастырей и закипела деятельная работа по их восстановлению. среди этих женщин было немало таких, кто действовал не только в силу личной религиозности, заботясь о спасении собственной души, но, может быть, даже в большей степени, беспокоясь о своих семьях с неверующими, пьющими мужьями, детьми, не знающими Бога и живущими в браке без венчания. Для них эти труды носили жертвенный характер, поскольку только принесением жертвы — трудов, молитвы, материальных сбережений — можно было, как они считали, остановить тот распад, который коснулся их семей. Вновь выстроенный или восстановленный храм, молитва в нем о близких, принесение за них на алтаре бескровной жертвы были в числе важнейших их целей, заставлявших их действовать так, а не иначе.

1990-е годы были временем общего церковного подъема в стране, но все же церковная жизнь по-разному восстанавливалась в городе, особенно мегаполисе, селе и небольшом городе. Город даже не претендовал на общее церковное пространство, потерянное в 1917 г., в то время как село не могло не стремиться вернуть это пространство — «мир» в прежнем его обозначении — в лоно Церкви. Установление семейных связей с монастырем имело в этом случае первенство

²⁴ Беседа со священником прот. Василием Поповым / Материалы экспедиции ИЭА РАН 2000 г. Архив О. В. Кириченко, С. В. Кузнецова.

²⁵ Материалы экспедиции ИЭА РАН 1997 г. Архив О. В. Кириченко.

²⁶ Материалы экспедиции ИЭА РАН 2002 г. Воронежская обл. Архив Н. В. Шляхтиной.

²⁷ Материалы экспедиции ИЭА РАН 2000 г. Воронежская обл. Архив О. В. Кириченко.

ющее значение. Подобный опыт восстановления еще не позволяет говорить, что приход здесь вновь сближался с «миром» или восстанавливал «мир» в его прежнем традиционном значении. Только часть верующих (и даже не всегда семей) целиком включалась в духовническую связь с монастырским старцем и монастырем. Но, тем не менее, здесь уже начинали восстанавливаться важные элементы прежнего «мира», и тем самым и православная семья получала дополнительную опору для всей полноты отношений с Церковью. Конечно, для этого восстановления сельский мир сегодня имеет больше возможностей. Хотя и здесь, внутри, в самой глубинке Русского мира, нарушено единство этнического присутствия русских, а культурное единство народа размывается через телевидение и Интернет потоком безнравственности и безвкусицы. Вот почему и здесь, на селе, православной семье пока еще приходится во многом быть свободной и адекватно понимаемой другими сельчанами, только в своем церковном приходе. Миграционная служба России, которая занимается формальными вопросами передвижения мигрантов, не имеет никакой внятной концепции, а Министерство регионального развития, которое сегодня выполняет функции прежнего Миннаца, также идет на поводу «естественного процесса» расселения мигрантов по всей территории РФ, включая земли, традиционно плотно и однородно заселенные русскими. Работая многие годы в Воронежской, Тверской, Тамбовской, Липецкой областях, нам приходится наблюдать, как активно идет размывание этого единого когда-то пространства²⁸, как село, гораздо более беззащитное, чем город, обретает новое гражданское лицо, новый семейный круг, а значит становится на пути восстановления того единого традиционного Русского мира, который и позволял русской семье на своей земле вести полноценную духовную и культурно-хозяйственную жизнь. Иноэтничное присутствие еще как-то можно объяснить и оправдать в крупных городах, потому что город сам по себе является местом встречи (торговой, политической, хозяйственной) разных народов, но село всегда являлось сокровенной территорией любого этноса, его лоном, хранилищем его генофонда и залогом будущего для народа. Поэтому нам представляется, что

для современной русской деревни огромной опасностью, одним из главных препятствий (наряду с нередко враждебными русской традиционной культуре телевидением и Интернетом) является заселение ее выходцами из Средней Азии и Кавказа. Русский мир нуждается в государственной защите, без которой его собственных внутренних сил не хватит на восстановление разрушенного и уврачевание болящего.

Чтобы понять серьезность этих угроз, стоящие перед семьей, народом и страной, обратимся к внутреннему миру восстанавливающихся монастырей, чтобы отсюда увидеть, насколько активно здесь присутствие мирян, и как велика тяга у семейных людей к получению духовной помощи в монастырях.

О глухоте и даже порой агрессии современного села к монастырю говорят многие факты. Причины этого, прежде всего, самые общие: в современной сельской России отсутствует тот слаженный духовный и культурно-хозяйственный мир, какой она имела до революционных потрясений 1917 г. Этот мир сознательно разрушался через закрытие храмов и приходов, уничтожение духовенства, церковного актива, через выселение «в тайгу, на поселение» самой деятельной и самой инициативной части крестьян. Вернуть сегодня всё это на прежнее место в одночасье, конечно, нет возможности. Восстановление приходского храма — это лишь первый шаг на пути восстановления прежнего «слаженного» сельского мира. Но если строительство храма еще как-то поддерживается всеми жителями, или их большинством, то все дальнейшие шаги по духовному укреплению всего крестьянского социума, (а не только десяти или двадцати активных прихожан) начинают вызывать неприязнь и даже вражду. А ведь именно на этом этапе село начинает объединяться в одно целое, в связи с чем и возникает потребность у «прихожан всего села» в монастырской поддержке.

В с. Ожога Липецкой области на месте теперешнего женского монастыря долгие годы находился приходской храм. Особенностью этого сельского храма было то, что настоятелем здесь был старец — схиархимандрит Серафим (Марчук), человек духовно опытный, подвижник и аскет. В беседе с ним мы выяснили, что большая часть жителей села в штыки восприняла появление

²⁸ В селах Воронежской обл. (а это «живые села») активно селятся турки-месхетинцы, чеченцы, дагестанцы, в селах Тверской обл., среди которых немало вымирающих, — чеченцы, узбеки, таджики, азербайджанцы. Во внутренний мир русской деревни начинают активно продвигаться китайцы. Их расселение идет по линии «восток—запад» вдоль основного транзитного пути. Их тепличные хозяйства уже достигли Самары.

«необычного храма» (с начала 1980-х годов), с его ежедневными богослужениями, строгой (как в монастыре) уставной жизнью, с большим хозяйством, где трудятся «по послушанию», со строгими правилами для исповедовавшихся и причащающихся, с отказом от потакания мирянам в их желаниях, требующих своего, так как «за это плачено». Долгие годы жители привыкали к приходскому храму, где существовали фактически монастырские порядки, в связи с чем буквально по крупицам устанавливалась между ними какая-то духовная связь. «Свято место пусто не бывает», — гласит пословица. И конечно, трудно оказалось возвращаться к духовности там, где когда-то закрывали храмы, где людей учили жить по законам советским или только «житейским», где активные верующие были уничтожены или высланы. Оказалось, что духовность — это не просто «правила», которые можно в одночасье приняв, жить по ним, подчиняясь «общему строю», как советское время. Для овладения духовностью требовалось пройти долгий путь общего возвращения народа — через приходской храм, через монастырь, через аскетику — к своей традиционной модели жизнедеятельности. И путь этот ни для русской семьи, ни для русского народа еще не пройден.

Похожую ситуацию, что мы видели в с. Ожого, пришлось еще наблюдать в с. Костомарово, где был открыт женский Спасский монастырь, закрытый в советские годы и открытый после войны на короткое время как приходской храм. Мы посетили обитель вскоре после ее открытия. В беседе с игуменьей выяснилось, что местные жители не посещают обитель, не приходят на службу и в целом негативно относятся к присутствию здесь монашества: «закрыли ставни, когда шел крестный ход по селу к источнику, и никто не вышел и не присоединился к молящимся монахиням и паломникам. Также, когда монастырский священник приглашал жителей отслужить панихиды на могилах их усопших сродников, они отвечали: „А зачем нам это надо“. Бывали случаи, когда в монастырских паломников, ехавших по селу на автобусе, летели камни и палки. Одна женщина на базаре, увидев здесь игуменью, кинулась на нее со словами: „А ты что разodelась и пришла сюда, одевайся как все и тогда приходи“»²⁹. На наш взгляд, и ожоговский и костомаровский примеры говорят об одном: монастырь — это «твердая пища» для христианина, как обычно говорят богословы в отношении

духовных истин, которые трудно постичь новонаначальному человеку. В этом смысле, приходской храм, который духовно окормлял мирян, давал возможность подготовиться к приему такой твердой пищи. Здесь же получилось так, что люди, долгие годы, не имевшие возможности посещать храм, оказались сразу возле монастыря, понять и принять, который могли помочь только время, особая аскетика, и налаженная церковно-приходская жизнь.

Пока же Спасский монастырь посещали паломники из тех мест, где были приходские храмы и люди имели уже духовный опыт. В монастыре трудилось (как и в дореволюционное время) около 10–12 детей-послушников, отданных сюда родителями на лето, «ради духовной пользы». У одной из монастырских послушниц, которая в свое время была замужем, но развелась, в монастыре находилась дочь 10 лет, которая также несет свои послушания. За то время, пока мы были в монастыре, мы убедились, что в основном обитель посещают паломники из Воронежской обл. и близлежащих областей. В основном это сельский люд, приезжающий сюда вместе с батюшками, многие паломники — приезжают семьями, хотя большая часть приезжает отдельно.

Но, несмотря на существующую пока проблему «глухоты» местного населения к новым монастырям, последние стараются продвигать свое духовное влияние за пределы своей территории, и здесь немалую роль играют семьи мирян. В беседе с игуменьей Ольгой Николо-Теребинского женского монастыря, находящегося в Тверской обл. (а обитель восстанавливается уже 10 лет) мы выяснили, что именно семейные люди стали тем ручейком, который стал пробивать общую стену недоверия и отчужденности в округе. По сути сельский мир продолжает жить «миром», но эта корпоративность скорее со знаком минус, так суть ее не в духовной сплоченности, а в сельском хозяйственном укладе, построенном на принципе материального достатка, и только. Качество этого нового «мира» отличается от прежнего, дореволюционного. Это большей частью эгоистично-прагматичный мир, живущий проблемами материального достатка. Учитывая это, настоятельница Николо-Теребинского с самого начала решила устанавливать связи с окружающим миром через хозяйственные каналы. В монастыре стали разводить коров, делать масло, творог, сметану, сыр и эту продукцию по недорогой цене продавать сельчанам. Было учтено, что

²⁹ Беседа с игуменьей Серафимой / Материалы экспедиции ИЭА РАН 2000 г. Архив О.В. Кириченко.

современный сельский житель достаточно ленив (в силу духовных причин), чтобы повсеместно держать коров, предпочитая лучше купить пакет «городского» молока, чем трудиться над уходом за коровой. И действительно, покупателей монастырской продукции среди сельских жителей нашлось много, а через них стали устанавливаться и короткие отношения с селом в целом. Следом в монастырь потянулись, в том числе и за духовным советом, неблагополучные категории, среди которых было немало семейных людей. Молодые и среднего возраста семейные люди стали приходить к матушке, чтобы посоветоваться по тем или иным житейским вопросам, после чего начинался процесс их воцерковления. Монастырь поддержал инициативу местного клуба проводить народные гуляния, с элементами традиционной культуры в праздничные дни (святки, масленица, пасхальная седмица), и эта совместная светско-церковная деятельность также сблизила монастырский и церковный мир. К матушке-игуменье приходящие семейные люди относятся именно как к духовному лицу. Нам пришлось быть невольными свидетелями одного разговора молодой женщины лет 25, которая пришла в монастырь с мужем и двумя детьми: младенцем и восьми лет. Поначалу женщина спрашивала, как ей быть с восьмилетним сыном, который увлечен компьютерными играми и не слушает замечаний. У женщины это второй, пока гражданский брак, от которого недавно родился младенец. Матушка Ольга посоветовала, ссылаясь на слова афонского старца Паисия Святогорца, не повышать голоса на ребенка, так как «вместе с криком открывается дверь дьяволу», обсуждать с сыном эти вопросы в спокойном тоне. С мужем надо расписаться и жить по закону. Женщина ушла утешенная. Выходя из кельи игуменьи, она приложила к чудотворным иконам Теребенской Божьей Матери и святителя Николая.

Как мы выяснили, Николо-Теребенский монастырь специально никого из девочек-подростков не приглашает. Судьба одной совсем юной девочки Варечки чем-то близка необычным судьбам многих детей в дореволюционной России. У девочки были пьющие родители. Когда мать девочки была ею беременна, они с мужем попали в пургу. Уже замерзающим им указал дорогу какой-то благообразный старичок с белой бородой, в лаптях. Он сказал, что девочка, которая родится, не будет жить с родителями, а будет

находиться в монастыре. Так оно и случилось. Опекает Вареньку мать Анна — келейница настоятельницы. Девочка называет ее мамой.

Монастыри, конечно, оказывают влияние не только на близкую округу, но и на более отдаленные территории. Для Николо-Теребенского монастыря такая возможность представляется в связи с ежегодным речным и сухопутным крестным ходом с двумя старинными чудотворными (явленными) образами из монастыря в г. Бежецк. Крестный ход затрагивает большую территорию, многие приобщаются к святыням, и так происходит знакомство и с самим монастырем. Благодаря подобным отдаленным связям можно встретить где-нибудь вдали от монастырей, людей глубоко церковных, хорошо знакомых с монастырской культурой, ценящих ее. Так, передвигаясь по селам Воронежской обл., мы попали в с. Листопадовка, где нет храма. Семья, куда мы пришли, состояла из мужа, жены и дочери — студентки в Воронеже. Сама обстановка в доме должна была напоминать о христианских истинах: на кухне большая картина «Христос благословляет детей», написанная в стиле примитива кем-то из местных художников по заказу. Художник писал картину здесь же, в этом доме. В доме есть еще две подобные картины: венчальные иконы Казанская и Спаситель. Тем же автором написан портрет старца Сампсона, которого Александр и Елена — хозяева дома — знают по книгам. Жена — бухгалтер, муж — сельский рабочий, дочь учится на архитектора. Оба верующие, Елена много ездит по монастырям в паломнические поездки. Для нее монастырь — «райское пение», он рождает ощущение, что «побывала на небе». Говорят оба спокойно, без аффектации, обстоятельно. Нам было интересно узнать у тех людей, кто организует на местах паломнические поездки (а это не всегда священники), какую аргументацию они используют, зазывая людей в монастыри. Организатор таких поездок С. Мартаков из г. Борисоглебска Воронежской обл. рассказал, что он подчеркивает духовную высоту монастырей. Например, когда готовил поездку в Оптину, то говорил: «Поедем, там ваша жизнь перевернется, вот увидите»³⁰.

Сегодня монастырям приходится быть более активными, чем в прежние времена, в своих контактах с внешним миром, хотя богатый опыт на этот счет дает синодальная эпоха XIX—XX вв. Но с того времени еще более, выросла потребность «мира» в социальной поддержке его со

³⁰ Материалы экспедиции ИЭА РАН 2011 г. г. Борисоглебск. Архив Кириченко О. В.

стороны монастыря, на что они, по возможности, откликаются. Например, в Благовещенском женском монастыре г. Бежецка Тверской обл. постоянно проводятся молебны о заблудших, о пьющих и наркоманах перед почитаемым монастырских образом «Неупиваемая чаша». Нередко такие встречи дополняются и беседами с людьми, которые нуждаются в этом. На молебны собираются не только те представители семей, которые переживают за своих болящих близких, но и сами страдающие недугом, порой, приходят вместе с ними. Повсеместно сохраняется традиция приезжать в монастырь «поработать» на какой-то срок, с единственной разницей: в эти поездки теперь берут и детей, чтобы приобщить их к монастырскому обиходу, к святыням и трудам. В Благовещенском монастыре в летнее время и на зимние каникулы живут несколько (от 5 до 10) девочек 9–13 лет. Большой частью они из семей г. Бежецка, но есть и приезжие из Москвы и Твери. Девочки разучивают песнопения и участвуют в богослужении, подпевая хору на клиросе. Иногда их отправляют в монастырский скит, находящийся недалеко от монастыря, где находится монастырское хозяйство: огород, сад, коровы. И хотя трудиться там утомительно, но, как отмечали сами девочки, их привлекло здесь многое: *«Когда я впервые в жизни посетила скит, впечатления у меня были просто неотразимые; Ирина уже стояла у дверей, как будто вышла*

*специально встретить гостью. Была хорошая погода: цветы, красота, воздух такой чистый (благодаря!). Мы делали все по дому, но еще приходилось работать и на грядках в огромном огороде: мыть посуду, подметать полы и лестницы, сажать лук, полоть, поливать. Все это интересно, но утомительно. А также там вкусно кормили, особенно вкусно кормила Татьяна Геннадьевна. Она же нас учит, мы выступаем, рисуем, делаем поделки и всё это под ее руководством. А особенно мне понравились закаты, цвета которых красные, малиновые, розовые, фиолетовые и желтые. Но, к большому сожалению, нас забрали в среду, а не в пятницу, как обещали, и это жалко. Но мы научились многому хорошему и полезному, что потом пригодится в жизни»*³¹. Во внутренней жизни эти юные насельницы ценят, оказывается, покой, созерцательность, тишину, молитву. Вот что написана одна из них в своем сочинении: *«Каждая человеческая душа ищет покой и правду, но не каждая душа их находит. В мире нет покоя, ложь и суета овладели человеческими душами. И как сердце праведного человека ищет уединения, так и мое сердце нашло эту обитель. Здесь я чувствую себя счастливой. Именно здесь душа моя становится добрее. Любимое мое место — это храм. Именно здесь я чувствую себя спокойной. Еще я люблю петь на клиро-*

*се. Один раз я была на колокольне, сверху я смотрела на цветы. Я очень люблю этот монастырь, он стал мне вторым дом (Ирина Рыбина)». Но и монастырская повседневность и эстетика совсем не чужды девочкам-подросткам. Их одевают в специально пошитые платья, одни для богослужения, другие для работы. В сочинении о монастыре одна из девочек написала так: *«Мы живем в городе Бежецке. В нашем городе есть монастырь, и он назван честь праздника Божьей Матери Благовещенье. Моя мама там работает. Мы ходим туда по воскресеньям, а на каникулах каждый день. Мы с сестрой и другими детьми выступаем,**

³¹ Материалы экспедиции ИЭА РАН 2013 г. Архив О. В. Кириченко, Н. В. Шляхтиной.

поем в хоре, подготавливаем поздравительные сценки на день ангела. Поем мы в хоре каждое воскресенье. Здесь очень хорошо, мать Фекла насажала много цветов: роз, маков, лилий, пионов, и даже куст жасмина. Летом мы встречаем икону Николая Чудотворца и Матери Божьей Теребинской. Еще здесь очень вкусно кормят. Моя мама очень хороший повар, у нас есть коровы, они дают молоко, из которого делают натуральные продукты: творог, масло, сметану. В монастыре можно встретить много замечательных людей, это церковницы Нина, Галина, Нина, Раиса. У нас есть хороший батюшка, его зовут Олег. Здесь есть монашествующие и послушницы. А следит за всем добрая и справедливая матушка Александра. Еще в монастыре живет владыка Филарет. Сюда приезжает митрополит Виктор. В монастыре все хорошо, мне здесь очень нравится»³².

Особая группа, приезжающая в монастыри — многодневные паломники. Они приезжают, как правило, или с детьми, или ради детей, ради семьи. Хотя и среди обычных паломников, которые приезжают в монастырь на час-другой, тоже немало женщин с детьми. В Задонском мужском монастыре в 2000 г. мы застали среди паломников немало женщин с детьми 7–10 лет. 24 июля пришлось наблюдать такую сценку: группа паломников — женщин средних лет вместе с детьми (мальчики 7–10 лет и девочки 12–14 лет) молились на коленях перед ракой свт. Тихона Задонского. Потом — обошли весь храм, помолившись перед каждой иконой, пошли в иконную лавку. В женском Задонском Тюнинском монастыре также среди паломников немало женщин с детьми. Мы попали в монастырь вечером, отстояли вечерню, а позже прошли крестным оградительным ходом вокруг монастыря. Вместе с несколькими монахинями шли паломники и монастырские трудники. Вечером, уже после чтения правила, проходившего в храме, мы отправились в «келью святителя Тихона» и здесь увидели нескольких молодых людей лет 17 (девушек и парней), которые пришли сюда специально помолиться. Они коллективно читали акафист святителю. За время чтения пришло еще несколько человек, все молодого возраста. Когда мы вышли, то увидели нескольких юношей и девушек, которые ждали, когда мы закончим молиться, чтобы

помолиться своей группой. Как удалось нам выяснить в беседе с благочинной и настоятельницей, в числе монастырских трудников числятся около 15 детей 7–14 лет. Одна женщина живет при монастыре вместе со своим больным сыном. Мальчик не может ходить и его на руках носят на службу. Мать приехала сюда помолиться об исцелении сына. 25 июля пришлось наблюдать приезд паломников в течение дня. В первой половине это были пожилые и преклонных женщины, но потом вместе с группой приходских священников прибыли женщины с детьми и даже несколько мужчин. Все они после посещения монастыря (покупки свечей, молитв в храме, оформления заказных записок и получения на них просфор) идут к источнику свт. Тихона и там окунаются в отдельных для мужчин и женщин купальнях. Многие паломники подают записки о чтении «за здравие» Псалтири на месяц.

Монастырь мало посещается местными жителями, в основном — по праздникам. Недалеко от монастыря находится интернат для больных детей, находящийся полностью под опекой обители. Разговаривая с детьми, живущими в монастыре на правах трудников (как правило, вместе с кем-то из своих родителей), понимаешь, что дети эти особенные, «зоркие» и внимательные к происходящему. Со слов игуменьи Дорофеи, в восстановительный период сложно заниматься полноценной миссионерской духовно-просветительской деятельностью. Монастырю много помогали миряне с приходов, которые специально «автобусами» приезжали из Липецка, чтобы что-то сделать для монастыря. Сейчас монастырь контактирует с одной из школ округи, откуда по договоренности на лето приезжают на некоторое время дети. Также монастырь опекает в Задонске интернат для глухонемых. Но по мере восстановления и сам монастырь планирует увеличить свою активность: создать в обители воспитательный центр для детей. Он будет состоять из нескольких мастерских: художественной, иконописной, столярной. Планируется открытие интерната. Многие священники (а также некоторые чиновники) обращаются к настоятельнице с просьбой взять их детей на воспитание и обучение³³. Большой контингент детей мы застали в женском монастыре г. Осташково, где часть их живет в пансионате-интернате, а часть приходит на время каникул³⁴.

³² Там же.

³³ Материалы экспедиции ИЭА РАН 2000 г. Липецкая обл. Архив О. В. Кириченко.

³⁴ Материалы экспедиции ИЭА РАН 2007 г. Тверская обл. Архив О. В. Кириченко.

Большой детский приют существует в Николо-Сольбиномском монастыре Ярославской епархии. Несмотря на то, что монастырь находится в стадии восстановления, воспитанницам-мирянкам здесь уделяется особое, если не сказать главное внимание. Будучи по приглашению игуменьи здесь на конференции, нам пришлось убедиться в художественных талантах живущих в монастырском приюте девочек: нам был показан концерт, состоящий из хорового пения и театрализованных представлений. В приюте около 50 девочек от 4 до 14 лет. Они живут в монастыре в отдельном корпусе внутри обители. Здесь же они получают образование, воспитываются и обучаются отдельным профессиональным навыкам. В круг занятий входят такие предметы, как домоводство, рукоделие, театральное искусство, рисование. Музыка уделяется особое внимание. Вот как сам монастырь определяет стратегию воспитания: «Сестры учат детей любви к людям, животным, к земле, к растениям. Мы обучаем быть девочек хозяйственными и трудолюбивыми». Цель — вырастить детей здоровыми как духовно, так и физически, чтобы они могли, влившись в общество, поддержать его своими здоровыми силами, укрепить семью целомудренным браком, стать деятельными членами общества и людьми, горячо любящими свое Отечество.

К числу новых веяний, приобретающих постепенно размах, можно отнести паломничество-туризм. К паломникам-туристам мы относим людей, которые предпринимая паломничество на своем транспорте, нередко семьей с целью не только посетить тот или иной известный монастырь, но и полюбоваться на его архитектуру, природный ландшафт. В эту категорию лиц входят как люди церковные, так и малоцерковные, но большей частью молодые. Это молодые семьи, у которых один или два ребенка. Очень популярны поездки туда, где особенно «много благодати», куда особенно любят ездить православные. Серафимо-Дивеевский монастырь является одним из таких наиболее популярных мест. Информацию о семейных паломниках-туристах сегодня легко получить из социальных сетей, куда эти люди помещают свои «отчеты» о паломничестве вместе с замечательными фотографиями.

+++

Современный мир русской православной семьи, только-только возвращающейся в лоно монастырской опеки, очень неоднороден. Все-таки для большинства прихожан монастырь хотя и является высшим авторитетом, но это скорее теоретический авторитет. Связь у этой части при-

хожан с монастырями не постоянная, эпизодическая: иногда через автобусные паломничества, иногда через редкие посещения монастырей на собственном транспорте. Почти нет уже в городских приходах семей, для которых монастырь — это место пребывания старца-духовника. Все меньше становится прихожан, которые проводят в монастырях свой отпуск, трудясь там на послушании. Преобладающее большинство посещает монастыри во время кратковременных паломнических или паломническо-туристических поез-

док. Если же взглянуть на связь мира и монастыря со стороны самого монастыря, то мы увидим, что основное присутствие мира выражается в попытках сделать монастыри (женские) очагами детского воспитания. И монастыри все более откликаются на эту насущную потребность мира, а точнее — семьи, очевидно понимая, что иначе может наступить время, когда монастыри могут остаться без насельниц, а Церковь и страна без сугубых молитвенниц не только за себя, но и за весь мир.

